

ПОСВЯТИВШИЙ СЕБЯ ТУРКЕСТАНУ. ВАСИЛИЙ ОШАНИН

Василий Федорович Ошанин принадлежит к тому поколению русских ученых девятнадцатого века, которые — люди разных сословий и имущественного состояния, научных направлений и общественных взглядов — сходились во влечении и привязанности к Средней Азии. Таким был Алексей Федченко, успевший к тридцати годам совершить четыре путешествия по Средней Азии. Таким был и Василий Ошанин, его друг и сподвижник.

Родился Василий Ошанин в 1844 году в отцовском поместье на Рязанщине. Первоначальное образование получил в рязанской гимназии, а в 1865 году окончил естественно-историческое (биологическое) отделение физико-математического факультета Московского университета. В студенческие годы Василий Ошанин занимался в основном изучением зоологии беспозвоночных, вкладывая в эти занятия силы и пыл молодого ума, приобщенного к научной работе. И после окончания курса он продолжает развиваться как энтомолог, утверждаясь в своем научном выборе и набираясь практических знаний и опыта. Вся научная и общественная деятельность молодого ученого связана в эти годы с Обществом любителей естество-знания, антропологии и этнографии, куда входили лучшие научные силы Москвы. Он изучает

энтомологическую фауну окружающих Москву губерний и в 1870 году публикует «Список полужесткокрылых насекомых Московского учебного округа» — свою первую научную работу.

Для завершения образования и знакомства с мировой наукой Василий Ошанин дважды побывал за границей, проведя в Германии, Италии и Франции около двух лет. Так, в 1868 году он работает у знаменитого германского зоолога Рудольфа Лейкарта в Гессенском университете. По поручению Общества любителей естествознания Василий Ошанин изучает аквариумы и крупнейшие рыбопитомники Европы, участвует в создании первой биологической станции в Неаполе. Но все это было лишь прологом настоящей научной деятельности.

Поворот в жизни ученого произошел в 1872 году, когда по рекомендации профессора А. Богданова, университетского наставника Василия Ошанина, ему предложили место заведующего шелкомотальной фабрикой в Ташкенте, которая одновременно являлась и школой шелководства. Ошанин согласился без колебаний, хотя и понимал, что впереди его ждет нелегкая жизнь в далеком и незнакомом краю. Но к двадцати восьми годам он был уже вполне сложившимся ученым с широким диапазоном интересов и человеком гражданского сознания, готовым к испытаниям во имя науки и общества.

Министерство государственных имуществ России посылает ученого в командировку в Германию, южную Францию и Италию для усовершенствования в знании шелководства. И только по возвращении из

поездки за границу осенью 1872 года Ошанин выезжает в Ташкент.

Путешественники того времени не раз описывали свои поездки из Оренбурга в Ташкент от одной почтовой станции до другой, в тряских тарантасах, запряженных лошадьми, а в зыбучих песках и верблюдами, поездки, которые, как правило, занимали не меньше месяца. Прodelал этот путь по бездорожью и Василий Ошанин, мечтая, наверное, как и все, о железной дороге между Туркестаном и Россией.

В Ташкент Василий Ошанин прибыл в конце 1872 года и остановился в трехкомнатном домике заведующего школой шелководства. В этой школе он затем проработал более десяти лет. В Ташкенте Ошанин женился на учительнице Елизавете Ивановне Маевской и дружно прожил с ней всю жизнь.

С ранней весны 1873 года ученый начинает энтомологические походы в окрестностях города. Но здесь, думается, надо сказать об одном практическом деле, которым порой пренебрегали даже известные путешественники. Речь идет о знании местных языков. Незнание их означало почти полную зависимость от переводчиков, найти которых в условиях Туркестана того времени было трудно, а порой и невозможно. Таким образом терялась важная часть полевой работы — общение с населением. Что касается Василия Ошанина, то он, считая знание языков необходимым условием плодотворной научной и общественной деятельности, в совершенстве овладел узбекским, а затем и персидским языками. Более того, обладая способностями полиглота, он в дальнейшем

изучил и другие языки и даже занимался сравнительным языкознанием.

Вообще характерной чертой Ошанина-ученого было стремление к расширению своих научных интересов. Отчасти это объяснялось и условиями жизни — малочисленностью научных сил в крае, где каждому приходилось работать за двоих, а то и за троих.

По образованию Василий Ошанин был энтомологом, в более узком смысле — специалистом по полужесткокрылым. Кроме собственно энтомологии, Ошанин занимался также географией, антропологией, зоологией и, как видим, лингвистикой. За сравнительно короткий срок ученый сделал на заседаниях Туркестанского отдела Общества любителей естествознания доклады: «Характер фауны полужесткокрылых Туркестана», «Пебрина (болезнь шелкопряда) по наблюдениям, произведенным в Туркестане, и способы ее предупреждения», «Характеристика Алая. О пути, пройденном ученой экспедицией отдела в 1878 году». Василий Ошанин был одним из основателей Туркестанского отдела Общества, а впоследствии и признанным его руководителем. Формально же Ошанин даже не был профессиональным ученым: не имел степеней и званий, не служил ни в одном научном учреждении и, естественно, не получал платы за свои труды. Он работал сначала заведующим шелкомотальной фабрикой и школой шелководства, потом директором женской гимназии.

И тем не менее Василий Ошанин был прежде всего ученый, бесконечно преданный науке. Каждый

порядочный натуралист, кроме чисто научного интереса, испытывает еще и живые чувства к предмету своих исследований, даже если он такой мелкий, как насекомые. Художественное восприятие природы было яркой чертой Ошанина-ученого, и он испытывал истинное удовольствие от созерцания бесконечного разнообразия узоров, красок, форм, которыми так богат мир насекомых.

Не по обязанности, а по влечению отдавал Василий Ошанин каждую свободную минуту изучению природы. Ошанин совершает учебную экскурсию с учащимися мужской гимназии и учительской семинарии из Ташкента в Самарканд; по поручению Туркестанского отдела Русского географического общества посещает многие районы Средней Азии; предпринимает поездку по линии Закаспийской железной дороги от Фараба до Красноводска; проводит изыскания в Ферганской долине... И везде собирает богатые коллекции насекомых, в том числе десятки не известных ранее видов.

Вот как пишет об одной такой поездке ученого его сын, сам известный ученый-антрополог Лев Васильевич Ошанин. «Летом 1897 года он отправился на почтовых лошадях в перекладной телеге в Аулие-Ату, а оттуда верхом на лошади в верховье долины Таласа, чтобы познакомиться с местной энтомофауной. Появление нового человека привлекло любопытство местных жителей. К тому же Василий Федорович одевался во время экскурсий типичным натуралистом шестидесятых годов прошлого столетия. Я хорошо помню его походное снаряжение. Легкие каламянковые брюки навывпуск, белая блуза-толстовка, мягкая фетровая шляпа с довольно большими полями, широкий ремень, с одной стороны которого висел большой жестяной ящик с пробковым дном для накалывания насекомых, с другой — дорожная сумка с баночкой цианистого калия. На черном шнурке в карманчик на груди спускалась лупа, рядом с ней — порядочных размеров, сантиметров пять-шесть в диаметре,

подушка с воткнутыми в нее булавками различных калибров.

У него была большая, раздвоенная, как тогда носили, борода и неизменные очки. В руках он держал сачок, которым «косил» по траве и кустам, напевая мелодию из «Прекрасной Елены». Наберет сачком насекомых, остановится, начнет их выбирать, одних сразу же накалывает на булавки и внимательно рассматривает в лупу, других кладет в банку с цианистым калием».

Однажды пастухи-киргизы долго следили за этим странным человеком, переговариваясь между собой, пока наконец не решили, что он конечно «дивона» — «блаженный», но смирный и вреда не принесет. Впрочем, и среди знакомых Василия Ошанина встречались люди, которые совсем не понимали, как это можно всю жизнь заниматься «букашками». Ошанин относился к этому с добродушным юмором и сам порой подшучивал над собой.

Поле, полевые исследования были любимым занятием ученого. За тридцать три года жизни в Туркестане он лишь дважды летом покидал край, отправляясь в Москву с научными целями. Все остальное каникулярное время он проводил в поездках и походах по Средней Азии.

Собранные во время тридцатилетних поездок материалы вместе с коллекциями других энтомологов послужили основанием для капитального труда В. Ф. Ошанина «Зоогеографический характер фауны полужесткокрылых Туркестана», изданного под редакцией П. Семенова-Тян-Шанского. В этой важной

работе он приводит в систему и обобщает свои взгляды на зоогеографическое положение Туркестана, доказывая генетическое родство фауны края с фауной стран Передней Азии и Средиземноморья. Найдя правильное место Туркестана в зоогеографическом подразделении Азиатского материка, Василий Ошанин сделал крупное научное открытие, значение которого полностью оценили лишь в наше время.

Итогом громадного научного труда стал и «Каталог полужесткокрылых», над которым Василий Ошанин также работал более тридцати лет. Этот единственный в своем роде труд был издан Академией наук России и до сих пор служит необходимым пособием для энтомологов.

Особое место в жизни В. Ошанина занимает первая научная экспедиция в Каратегин и к верховьям Амударьи, организованная в 1878 году Туркестанским отделом Общества любителей естествознания. Экспедиция, которой руководил В. Ошанин и в состав которой входили топограф Г. Радионов и ботаник М. Невесский, направилась в глухие горные княжества Каратегин и Дарваз, лишь недавно присоединенные к Бухарскому ханству и превращенные в его провинции — бекства. Эти малодоступные горные районы Памира, на долгие зимние месяцы совершенно отрезанные от внешнего мира, были известны лишь по скудным китайским источникам и сведениям, поступавшим от редких купеческих караванов. Все это вызывало к экспедиции повышенный интерес обществу.

25 июля 1878 года путешественники покинули Самарканд и направились в Гиссар через Китаб, Шаар, Яккабаг, Ташкуртан. Из Гиссара экспедиция проследовала в Каратегин к истокам реки Оби-Гарм. В дальнейшем участники экспедиции обследовали всю территорию Каратегина и Дарваза в доступных им пределах. Результаты исследований в Каратегине имели для своего времени первостепенное научное и практическое значение. Топографическая съемка пройденного пути положила начало картографированию Бадахшана, а географическое описание Каратегина и Дарваза дало первые достоверные сведения о природе этих районов.

Важным научным результатом этого путешествия явилось открытие хребтов Петра Первого, Каратегинского, Дарвазского и огромного горного массива, впоследствии названного хребтом Академии наук. Природные картины Северного Бадахшана — резкая расчлененность, крупные продольные долины и глубокая заснеженность горных хребтов были переданы Василием Ошаниным с научной точностью и художественной выразительностью. А описание перевалов через Каратегинский и Гиссарский хребты имело и большое практическое значение, так как пути подхода к Бадахшану и Памиру тогда почти не были известны.

Большой заслугой участников экспедиции явилось и то, что на спине хребтов Петра Первого и Академии наук они открыли обширную ледниковую зону. Предположение ученого, что здесь должен находиться крупнейший в Средней Азии центр оледенения,

полностью подтвердилось. А в верховьях долины Сельсу путешественники обнаружили ледник, поражающий своими размерами. Василий Ошанин предположил, что он простирается не менее, чем на 20 километров (на самом деле — 77 километров). «Таким образом, — писал В. Ошанин, — этот ледник принадлежит по своей величине к числу первоклассных. Экспедиция назвала его ледником Федченко, в память Алексея Федченко».

Надо сказать, что современники Василия Ошанина не очень удивлялись, когда он, ученый-энтомолог, открывал горные хребты и ледники. Ведь с точки зрения науки край был еще почти не изучен, а малочисленность научных сил и скудость средств вынуждали каждую экспедицию делать комплексной. Но главное, конечно, было в широте интересов, которая отличала Ошанина-ученого. Так, Василий Ошанин долгое время изучал местные географические названия и их правильное произношение и написание. Владея языками, Ошанин ввел в научную литературу и

географические карты правильную русскую транскрипцию узбекских и таджикских наименований рек, горных хребтов, долин, устранив в значительной мере путаницу в среднеазиатской топонимике, которая существовала до него почти во всех географических работах и картах того времени. А некоторые местные географические названия, введенные в научный оборот Василием Ошаниным, например, «тугаи», широко применяются и в наши дни.

Научная общественность высоко оценила результаты экспедиции Ошанина в Каратегин и Дарваз. Русский геолог И. Мушкетов, работавший в Средней Азии, писал, что «экспедиция исследовала одну из самых малоизвестных стран — Каратегин, о которой до того имелись только сбивчивые расспросные сведения. Экспедиция сделала весьма важные географические открытия, между которыми первое место занимает открытие громадного хребта, протягивающегося вдоль левого берега Сурхоба, названного экспедицией хребтом Петра Первого».

Василий Ошанин любил и понимал природу Средней Азии. Он был сторонником полноценного ознакомления с изучаемой страной. Во время экскурсий с гимназистами он обращал их внимание не только на картины природы, но и на хозяйственную деятельность местного населения, культуру народа, изумительные памятники средневековой узбекской архитектуры, на прошлое края, тесно связанного с Великим шелковым путем. А как ученый он неизменно изучал национальный состав, этнографические особенности, условия жизни и размещения населения.

Так, сравнивая каратегинских таджиков и киргизов, Василий Ошанин указывал, что таджики, ведут главным образом оседлую жизнь, занимаются хлебопашеством и садоводством, в большом количестве разводят длинношерстных коз. Однако скотоводство у них играет второстепенную роль, и рогатый скот используется главным образом как тяговая сила.

Киргизы, напротив, ведут в основном кочевую жизнь, разводя овец, лошадей и верблюдов, и передвигаются со стадами и отарами до зоны вечных снегов. Сена они не заготавливают, и скот круглый год находится на подножном корму. Однако и таджики, и киргизы, отмечал ученый, ведут главным образом натуральное хозяйство, и он предлагал меры, направленные на развитие производительных сил края.

«Организация экспедиций, постановка интересных докладов, опубликование научных трудов и другие виды деятельности Туркестанского отдела не обходились без участия В. Ф. Ошанина. Он сам почти ежегодно выезжал в экспедиции и охотно поддерживал все начинания по исследованию природы Туркестана. Великолепно зная край и понимая ближайшие задачи его изучения, он был неизменным советчиком и помощником при организации экспедиций», — писала в своей работе о Василии Ошанине научный сотрудник З. Донцова.

Так, по инициативе Василия Ошанина была образована комиссия, которая организовала в Ташкенте за счет пожертвований Музей природы. В декабре 1876 года состоялось открытие музея, в котором были представлены геолого-географический, ботанико-

зоологический, этнографический, сельскохозяйственный и промышленный отделы. Ученые выступали в музее с чтением публичных лекций. Некоторые экспонаты музея демонстрировались на археологической выставке в Москве.

Путешествуя по краю и исследуя Туркестан более тридцати лет, Василий Ошанин в 1906 году вернулся в Россию, в Петербург, чтобы лично проследить за изданием трехтомного «Каталога полужесткокрылых», труда, который принес ученому мировую известность. Последние годы жизни В. Ошанин работал в Зоологическом музее Академии наук России. Он не прерывал связей с Туркестаном. В Русском энтомологическом обществе ученый выступал с докладами о природе Средней Азии, вызывавшими большой интерес и оживленные обсуждения. Для всех, отправлявшихся в путешествие в Туркестан, он был неизменным советчиком и наставником. Скончался Василий Ошанин в 1917 году в России.

